

Анна Ивановна Цомакион

**Джузеппе Гарибальди. Его
жизнь и роль
в объединении Италии**

Жизнь замечательных людей

Анна Цомакион

**Джузеппе Гарибальди. Его жизнь
и роль в объединении Италии**

«Public Domain»

Цомакион А. И.

Джузеппе Гарибальди. Его жизнь и роль в объединении Италии /
А. И. Цомакион — «Public Domain», — (Жизнь замечательных
людей)

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

Содержание

Гарибальди и Италия (Введение)	7
Глава I. Детство. Юность и первые шаги на политическом поприще	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

А. И. Цомакион
Джузеппе Гарибальди
Его жизнь и роль в объединении Италии
Биографический очерк
С портретом Гарибальди,
гравированным в Петербурге К.
Адтом, и другими иллюстрациями

Гарибальди и Италия (Введение)

Вся деятельность Гарибальди, вся его жизнь так тесно связаны с судьбою родины, что биографу его на каждом шагу приходится возвращаться к истории Италии. Встречаются люди – это редкие исключения – которые, увлекшись в молодости какой-нибудь одной идеей, до того роднятся с ней, что все свои силы в течение всей последующей жизни безраздельно отдают служению этой особенно дорогой для них идее. К таким исключительным натурам принадлежал Гарибальди, и вот почему: с той поры, как в душу едва сложившегося юноши запала мечта о возрождении его прекрасной родины и вместе с нею страстное желание воплотить мечту в действительность, судьба его неразрывно сплелась с судьбою Италии. Каждый отдельный период его жизни определяется течением событий в его отечестве в соответствующие годы. Только в связи с этими событиями каждый шаг народного героя приобретает настоящий смысл и значение. Узнать и понять Гарибальди можно, только узнав и поняв Италию и те мечты и надежды, которые одушевляли лучшую часть итальянского общества в начале XIX столетия.

В первые десятилетия XIX века печальная политическая судьба полуострова не переставала занимать мысли передовых людей Италии. Сознывая громадные духовные силы своей нации, подарившей миру таких гениев слова, как Данте, Петрарка, Боккаччо, Ариосто, Торквато Тассо, таких мыслителей, как Макиавелли, Галилей, Джордано Бруно, таких корифеев искусства, как Рафаэль и Микеланджело, – люди эти не могли примириться с ее политическим ничтожеством, с приниженностью и забитостью ее народа.

Страна, пережившая блестящую эпоху Козьмы и Лоренцо Медичи, служившая очагом, откуда распространилось знакомство с гением классической древности, страна, из которой разлился яркий поток света, рассеявший тьму средневекового невежества, не должна была оставаться покорной рабой случайных завоевателей. Хотя ни одно государство Европы не пережило тех бедствий, какие выпали на долю Италии, однако в ней таились еще силы, способные поставить ее в один ряд с любым из этих государств. Это сознавали лучшие люди страны и целью своих стремлений ставили выволить родину из того состояния политического бессилия, которое явилось результатом исторической судьбы полуострова. Богато одаренная природой, наделенная счастливыми климатическими условиями, осененная густою синевою южного неба, залитая светом и теплом, цветущая страна с давних времен привлекала к себе чужеземцев.

Заглядывая в глубь веков, мы видим, как она поочередно разделяется и расчленяется римлянами, германцами, остготами, лонгобардами, арабами, французами, испанцами. Мы видим ее изнемогающе под гнетом мелких деспотов, раздираемую междоусобными распрями отдельных республик и тираний, угнетенною и обессиленною владычеством пап и нескончаемой борьбой их с императорами, развращенною и поверженною в прах разъедающей язвой кондотьерства. Народный характер, отравленный в самом корне, теряет свою самостоятельность и приобретает рабские, низменные наклонности; в народе исчезает чувство национальности и независимости; угнетенный и подавленный, он погрязает в тупости, суеверии и невежестве. Земля разбита на мелкие владения, самостоятельные или подвластные, потерявшие между собою связь; название “Италия” становится пустым звуком, не имеющим содержания. По мере того, как протекают века в кровавых войнах и нескончаемых бедствиях, из недр истстрадавшегося общества время от времени раздаются голоса, взывающие о слиянии воедино разрозненных частей несчастной родины. Таковы стремления папы Григория VII, такова вдохновенная проповедь Данте, поддержанная голосом Петрарки, попытка Кола ди Риенцо, воззвания Макиавелли. Но эти страстные призывы не находят отголоска в массе народа и с течением времени постепенно умолкают. Сохраняя по-прежнему свою роль покровительницы науки и искусства, Италия в политическом отношении погружается в глубокий и продолжительный

сон. Но подобие смерти не есть еще смерть: пробуждение наступит, Италия проснется, когда вокруг нее зашумят соседи.

К тому времени, когда разразилась французская революция, раздробленность страны исключала для нее всякую возможность состязаться с другими государствами в могуществе и богатстве. В обществе царила глубокая апатия. Низший класс по-прежнему пребывал в крайнем отупении, среднего сословия не было, дворянство потеряло всякое чувство личного и политического достоинства, папство и правительство своею политикою подавляли дух национализма и единства. По мнению лучших людей того времени, сохранивших еще патриотическое чувство, всякая надежда на возрождение Италии являлась несбыточной фантазией.

В таком виде застают Италию в 1796 году походы Наполеона I. После мира в Кампо-формио облик страны совершенно преобразовывается. Венецианская республика отходит к Австрии, Ломбардия обращена в Цизальпинскую республику, папа изгнан из Рима, король Фердинанд – из Неаполя, на месте их владений возникают новые республики – Римская и Партенопейская. Пьемонт присоединен к Франции; Модена, Феррара и Болонья образуют республику Циспаданскую. Хозяиничая таким образом в Италии, Наполеон старался только ослабить итальянские государства и подчинить их своему влиянию, мало заботясь о цели пославшей его директории освободить эти земли от тяготевшего над ними гнета. Тем не менее, несмотря на свою неискренность, политика его принесла стране громадную пользу и подготовила почву для событий последующих лет. Введенная им во все отдельные государства однообразная система управления впервые вызвала в этих разрозненных дотоле элементах сознание единства интересов и чувство солидарности. Еще более важное значение для политического развития страны имели нововведения, внесенные “Кодексом Наполеона”: равенство перед законом всех сословий, уничтожение феодальных привилегий и одинаковое для всех право владения землею. Эти нововведения сразу перенесли общество в сферу новых понятий и совершенно изменили его строй. Третьим, и, пожалуй, наиболее плодотворным результатом кратковременного правления Наполеона I в Италии было *возрождение идеи национальной независимости*.

События, ознаменовавшие начало нынешнего столетия, внесли в жизнь Апеннинского полуострова новые перемены. На Венском конгрессе происходит новое распределение его территорий. В Неаполе и Сицилии, еще до походов Наполеона составлявших так называемое королевство Обеих Сицилий, водворен дом Бурбонов в лице Фердинанда IV; королевство Сардинское восстановлено в прежней целости (Пьемонт и остров Сардиния), и, кроме того, к нему присоединена еще Генуя.

На основании постановления Венского конгресса большая часть полуострова попадает под власть Австрии или находится в более или менее непосредственной от нее зависимости. Но Италия 1815 года уже далеко не Италия 1796-го. Новые течения уже охватили общество, проникли в литературу. Ряд выдающихся писателей начал дело перевоспитания народа. Отчаяние и негодование, вызванные военным деспотизмом Наполеона, наиболее резко выразились в сочинениях Альфьери и Уго Фосколо. Альфьери с искренним сочувствием приветствовал разрушение старого порядка во Франции; но после завоевания Италии Наполеоном в нем пробудилось страшное негодование против французов, “этой нации тигров, осквернивших свободу”, как он их называл. В трагедиях своих, проникнутых ненавистью к существующему порядку, он громит итальянское общество, рисует весь ужас его падения и, противопоставляя ему величие героев древности, указывает новые пути, новые идеалы. Изгнанные со сцены публичных театров трагедии эти появляются в тавернах и на площадях, разыгрываемые бродячими актерами и даже простыми рабочими. Уго Фосколо, подобно Альфьери сначала ожидавший возрождения Италии от революционной Франции, видя несбыточность своих надежд, посвящает себя литературе, чтобы этим путем влиять на соотечественников. Своими сочинениями, имевшими на итальянцев еще большее влияние, нежели трагедии Альфьери, он старается возбудить в пораженной нации чувство собственного достоинства, чтобы, по крайней мере, заменить уваже-

нием презрение к ним победителей. Он упрекает итальянцев в инертности, в пассивном ожидании свободы от щедрот других народов, на долю которых они оставляют труды и опасности, в то время как сами ограничиваются платоническим желанием быть независимыми.

От слова недалеко было до дела.

Но не только эти, так сказать, чисто внутренние импульсы пробуждали Италию к новой жизни; весь ход политических событий на континенте способствовал скорейшему осуществлению задач итальянских патриотов. Италия не могла оставаться чуждой тем новым стремлениям, которые охватили всю Европу в первые десятилетия XIX века и выразились в так называемых национальных движениях. Течения эти нашли в стране почву вполне подготовленную, свежая волна новых веяний увлекла Италию и вызвала образование тайных обществ с патриотическими задачами. Между последними особенно выделялось общество карбонариев или угольщиков, густою сетью покрывшее всю страну. Первоначальная цель этого общества заключалась в изгнании французов, но впоследствии программа его расширилась, хотя никогда не отличалась определенностью. Таким образом, к началу двадцатых в Италии образовалась партия действия, которая заявляет себя рядом частных восстаний.

Если дух времени и естественная эволюция политических воззрений способствовали благополучному разрешению борьбы Италии за независимость, то не менее обязана она успешным ходом этой борьбы тем великим деятелям, которые в трудную минуту отдали ей свои силы и свою безграничную любовь. В импонирующем величии выступают четыре центральные фигуры этой эпохи в истории Италии. Несмотря на несходство ролей, выпавших на долю каждого из них, несмотря на существенное различие в подробностях своей политической программы, Мадзини, Гарибальди, Кавур и Виктор Эммануил успешно доводят до конца дорогое для них дело, благодаря главным образом самоотвержению и стойкости, которыми характеризуется деятельность каждого из них. Можно сказать безошибочно, что несходство личных характеров, приемов и общественного положения этих четырех главных деятелей в истории освобождения Италии послужило только на пользу ее делу. Страстная проповедь Мадзини увлекает, главным образом, мыслящую часть общества; на массу народа обаятельно действует своими небывалыми подвигами “человек великих инстинктов”, сын народа, Гарибальди, соединивший в себе, как в фокусе, лучшие черты своей нации и потому для нее понятный; конкретным олицетворением единства этой нации является в глазах массы, всегда нуждающейся в конкретных образах, король Сардинский Виктор Эммануил, и, наконец, Кавур своей удивительно проницательной и осторожной политикой сдерживает слишком стремительное движение народной партии и спасает дело родины. В стороне от них стоит Наполеон III – пятый выдающийся участник в деле создания единой Италии. Иностранец, действующий отчасти во имя отвлеченной идеи, лежащей в основе его национальной политики, отчасти же и главным образом во имя чисто династических интересов, чуждый, следовательно, искреннему увлечению итальянских патриотов, он протягивает Италии безусловно ей необходимую, хотя и не бескорыстную руку помощи, без которой еще неокрепшая страна не могла бы завершить своего великого дела; но затем надолго тормозит это дело, преследуя цели совершенно противоположные.

Глава I. Детство. Юность и первые шаги на политическом поприще

Родина Гарибальди, его происхождение, семейная обстановка и воспитание. – Черты характера героя, обозначившиеся в детские годы. – Страсть к морю и первые плавания. – Гарибальди-воспитатель. – Встреча с мадзинистом. – Знакомство с сенсимонистами. – Приезд в Марсель; знакомство с Мадзини. – Личность и политическая программа последнего. – Сен-Жульенская экспедиция. – Заговор в Генуе. – Бегство. – Смертный приговор. – Жизнь в Марселе. – Служба на корабле “Union”. – Служба у тунисского бей. – Cholera в Марселе. – Отплытие в Америку

Еще несколько лет тому назад на набережной “Lunel” в Ницце ютился среди других более значительных построек маленький домик, в котором родился Джузеппе Гарибальди. Он явился на свет 22 июля 1807 года в той самой комнате, которая была уже знаменита рождением в ней Массены. Впоследствии, при расширении коммерческого порта, домик был снесен. Его купил один англичанин, который перенумеровал все камни, чтобы построить его вновь в другом месте.

Джузеппе был вторым сыном Доменико Гарибальди и его жены Розы Богиадо. Генеалогией его занимались очень много; некоторые биографы ведут род итальянского героя от знатной немецкой фамилии владетельных князей. Сам же Гарибальди никогда не интересовался вопросом о своем происхождении и в мемуарах не дает о нем никаких сведений. Достоверно лишь то, что он происходил из семьи моряков. Отец его, также сын моряка, имел свой корабль и занимался торговлей. Джузеппе был любимец в семье. Окруженный ласкою и заботами родителей, воспитанный в любящей атмосфере родной семьи, ребенок, в свою очередь, платил своим кровным самою нежною привязанностью. Впоследствии среди бурных событий своей обильной приключениями жизни он навсегда сохранил это чувство в неприкосновенной силе и свежести. Его добрая мать была для Гарибальди предметом благоговейного почитания.

“Что касается моей матери, – говорит он в своих мемуарах, – то я с твердостью могу сказать, что она была образцовой женщиной... И чему приписать я должен эту сильную любовь мою к отечеству, эту непреклонную преданность ему, как не соболезнованиям моей матери о несчастных, как не состраданию ее к несчастным? Я не суеверен, но скажу с твердою уверенностью в истине моих слов, что в случаях наиболее страшных и ужасных в моей жизни, когда волны океана ревели и с яростью бились о борт моего корабля, подымая его, как легкую соломинку, когда пули со свистом пролетали мимо моих ушей подобно бурному ветру, когда, наконец, кругом меня сыпался град пуль или ядер, – мне всегда представлялась мать, стоящую на коленях перед образом Спасителя”...

Много было таких трудных минут в жизни Гарибальди; скоро случаи смертельной опасности стали в глазах его явлением заурадным, не стоящим внимания, но память о матери навсегда осталась для него окруженной тем же ореолом святости и чистоты. Посещавшие его уединенное жилище на острове Капрере, где народный герой провел многие годы своей жизни и скончался, могли видеть среди скромной обстановки его спальни портрет почтенной старушки, с головою, повязанной красным фуляром, с бледным, но прекрасным лицом. Тем, кто останавливался перед этим портретом, он говорил с волнением: “Это моя мать”.

К отцу Гарибальди сохранил глубокое чувство благодарности. Упоминая в своих мемуарах о материальном положении семьи, постоянно подвергавшемся переменам то к худшему, то к лучшему, он между прочим говорит об отце:

“В одном я не сомневаюсь, а именно в том, что все деньги, которые он бросал на ветер, которые он спустил с большим удовольствием, были деньги, употребленные им на мое воспитание, хотя это воспитание было тяжелым бременем для его финансов”.

Тем не менее, несмотря на заботы отца, воспитание Гарибальди было, по его собственному выражению, далеко не аристократическим. Ни гимнастике, ни фехтованию, ни верховой езде его не учили. Гимнастике выучился он, лазая по вантам и спускаясь по канатам, фехтованию – защищая свою голову и стараясь разmozжить голову другим, а верховой езде – подражая диким наездникам Южной Америки – гаучо. Единственным телесным упражнением Гарибальди в молодости было плавание, которому он выучился также без учителя. Плавал он, как рыба, и, конечно, имел право считать себя одним из лучших пловцов в мире. Причину многих пробелов в своем воспитании Гарибальди объясняет тем положением, в каком в то время находилось вообще дело воспитания в Пьемонте. Оно всецело было предоставлено священникам, которые стремились делать из молодых людей скорее монахов, нежели граждан, способных служить на пользу несчастной стране.

Первым учителем мальчика был падре Джованни Джаколе, дальний родственник, постоянно живший в семье. Занятия с ним шли вяло и скорее походили на забаву. Зато старший брат Гарибальди, Анжело, тщательно следил за успехами ребенка в науках и старался развить в нем любовь к умственному труду. Кроме того, у Джузеппе был еще другой прекрасный учитель – бывший офицер Арена, который серьезно занимался с мальчиком и имел громадное влияние на его развитие, как умственное, так и нравственное. Арена приохотил своего ученика к занятиям математикой, и Джузеппе с увлечением предавался им. Но не в этом заключалась главная заслуга учителя. Громадное значение его в воспитании ребенка состояло преимущественно в том, что он заставил его основательно познакомиться с родным итальянским языком, которому по большей части не обучали детей в Ницце. Близкое соседство ее с Францией наложило свою печать на воспитание юношества; благодаря ему родной язык находился здесь в совершенном пренебрежении. На уроках отечественного языка Арена имел обыкновение читать со своим учеником римскую историю; эти чтения развивали в ребенке благоговейное удивление к его великим предкам и зародили в нем пока еще неясные, но глубоко запавшие в юную душу мечты о возможном прекрасном будущем для боготворимой родины.

“Рим, представлявшийся моему воображению в период моей юности, – говорит он, – был не только Рим в прошедшем, но и Рим в будущем, которому завидуют, который преследуют государства, потому что, будучи центром просвещения, он выводил народы на путь света и истины. О Рим! Когда я думал о бедствиях, его постигших, о его несчастьях, он для меня делался дороже и священнее всего на свете”.

Не менее сильное впечатление производили на мальчика рассказы Арены о сражениях, в которых ему приходилось участвовать. В такой чуткой и впечатлительной душе, какова была душа ребенка, подобные рассказы не могли не оставить глубокого следа; они воспитывали в нем чувство рыцарской отваги, и мало-помалу, черта за чертой, слагались элементы его героической натуры. Силы накапливались и просились наружу.

Гарибальди не было еще восьми лет от роду, когда он совершил свой первый героический поступок. Однажды, отправившись со своим двоюродным братом на охоту в Вар, он подошел к глубокой канаве, в которой прачки обыкновенно полоскали белье. Одна из них, занятая обычной работой, поскользнулась и упала в воду. Недолго думая, ребенок бросился за женщиной и спас ее.

Но не только в таких отважных подвигах человеколюбия выражалась сердечная доброта мальчика. В своих мемуарах он сам сознается, что с детства обладал добрым сердцем, и рассказывает, что всегда чувствовал особенную нежность ко всему слабому и страждущему. Жалость эта простиралась у него и на животных, или, как он сам говорит, начиналась с них. Так, напри-

мер, однажды он поймал сверчка и нечаянно оторвал ему лапку; это так огорчило мальчика, что он заперся в комнате и в течение нескольких часов неутешно плакал.

Другой эпизод из детства Гарибальди представляет особый интерес, служа доказательством, что уже в эту пору в ребенке зарождалась любовь к подвигам и необычайным приключениям. Заскучав от однообразия классных занятий, он предложил трем товарищам самостоятельно прокатиться в Геную. Сделав небольшие сбережения со школьных завтраков, мальчики запасли немного провизии и, уложив ее в рыбацкую лодку, отправились в путь. Они уже достигли Монако, когда их нагнало судно, посланное за ними отцом Гарибальди. Оказалось, что об их проделке рассказал аббат, видевший, как они отчаливали от пристани.

Наряду с этими чертами характера уже в раннюю пору жизни у Гарибальди стала обнаруживаться необыкновенная любовь к морю. Влечение это крепло с годами и обратилось наконец в настоящую страсть. Родившийся у моря, всегда имевший его перед глазами, ребенок сроднился со стихией. Чудные картины, развертывавшиеся перед ним, всегда новые и чарующие в своем бесконечном разнообразии, внесли в его душу зачатки поэзии. Море поражало его слух так же, как и зрение; оно раскрывало перед ним целый мир восхищавших его звуков. Он ловил эти звуки, то баюкающие и ласкающие, подобные певучему *andante*, то могучие и торжественные, то грозные, то стонущие, то рыдающие, и в душе его крепили и натягивались добрые, симпатичные струны, в уме слагались понятия о величии, свободе и силе, воображению рисовались неясные, но уже манящие перспективы будущих подвигов. Так же как и близкие люди, море внесло свою лепту в воспитание ребенка, и он не мог не любить его как необходимый аксессуар своей детской обстановки, как нечто родное, почти одушевленное. Он чувствовал, что родился моряком, что там, в этом широком просторе, среди шумящих волн найдут себе приложение рвущиеся наружу стихийные силы его души.

Долго противился этому влечению отец, мечтавший о более спокойной карьере для сына; он думал сделать из него священника, адвоката или доктора. Но с настойчивостью, свойственной прирожденному призванию, ребенок победил отца и отправился наконец в море. Первую свою поездку он совершил в Одессу на бригантине “Констанца”. Это первое морское путешествие еще более укрепило в мальчике убеждение, что он создан моряком. Отец не мог уже противиться его желанию и покорился. Но во второй поездке, в Рим, он решился сам сопровождать сына, так как путешествие Джузеппе в Одессу послужило для него источником нескончаемой тревоги. С восторгом пустился мальчик в это второе плавание: он должен был увидеть Рим, который, по его словам, не мог быть для него ничем иным, как “столицей мира”.

Некоторое время Гарибальди вместе с отцом занимался каботажным плаванием, а затем предпринял ряд путешествий в Левант. В этих путешествиях ему пришлось впервые лицом к лицу познакомиться с опасностью. Не раз нападали на судно морские разбойники. Гарибальди рассказывает, что в одну и ту же поездку они два раза были атакованы пиратами и совершенно ограблены; когда же в третий раз на них напали другие пираты и для них не нашлось уже ничего на корабле, то это привело разбойников в неописуемую ярость.

Однажды, прибыв в Константинополь, Гарибальди сильно заболел; при отсутствии у него денежных средств болезнь грозила ему большими неприятностями. Но Гарибальди всегда имел счастье находить людей, готовых ему помочь. В нем приняла участие одна дама, уроженка Ниццы, по имени Луиза Савего. Она заботливо ухаживала за ним в течение всей болезни и снабжала его всем необходимым. Так как это происходило во время войны между Турцией и Россией, то Гарибальди не мог тотчас же выехать из Константинополя и занял место наставника при трех маленьких мальчиках в семействе вдовы Титани, итальянки. Проведя несколько месяцев в этой семье, он впервые поступил капитаном на бригантину “Св. Богородица” и на ней отплыл из Константинополя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.